

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-418-442

УДК 811.13

ВСЕ-ТАКИ КАК МАРКЕР ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ МОНОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ташлыкова М.Б., Лошанина М.Н.

Обоснование. Исследование выполнено в рамках проекта «Устная история Иркутска и технологии oral history в междисциплинарной перспективе». Анализ массива глубинных интервью, полученных в ходе реализации проекта, обнаруживает значительное количество фрагментов, отражающих внутренний конфликт представлений говорящего о некотором фрагменте реального мира, который находится в центре его внимания в определенный момент речи. Актуальной задачей является выявление языковых и дискурсивных маркеров, объективирующих наличие этого конфликта. Одним из таких маркеров является единица все-таки, которой посвящена данная статья.

Цель работы состоит в том, чтобы на основании осмысления имеющейся лексикографической традиции и анализа эмпирического материала уточнить представления о статусе данной единицы, ее семантических, прагматических и функциональных особенностях.

Материал исследования – данные традиционных толковых словарей и Активного словаря русского языка, а также примеры контекстного употребления все-таки, извлеченные из НКРЯ. Используются методы и приемы дефиниционного, структурно-семантического, контекстуального и корпусного анализа.

Результаты исследования показали, что все-таки следует квалифицировать как частицу, которая используется (а) как маркер противопоставления имеющегося положения вещей гипотетическому, но более стандартному; (б) как маркер причины, обусловившей реализацию одной из двух альтернатив; (в) как маркер эмоциональной реакции говорящего на совпадение фрагментов ментального и реального мира.

Область применения результатов – теоретическая семантика и дискурс-анализ (в том числе в социальных исследованиях). Результаты могут быть использованы в вузовских курсах по семантике, прагматике, теории дискурса.

Ключевые слова: семантика; значение частиц; дискурсивный маркер; когнитивная структура

VSE-TAKI AS A MARKER OF MONOLOGICAL DISCOURSE CONTRADICTION

Tashlykova M.B., Loshanina M.N.

***Background.** The research was carried out within the project «Oral history of Irkutsk and technologies oral history in an interdisciplinary perspective». An analysis of the array of in-depth interviews obtained during the implementation of the project reveals a significant number of fragments reflecting the internal conflict of the speaker's ideas about some fragment of the real world, which is in the center of his attention at a certain moment of speech. A current issue is to identify linguistic and discourse markers that objectify the presence of this conflict. One of these markers is vse-taki to which the article is devoted.*

*The **purpose** of the work is to clarify the idea of the status of this unit, its semantic, pragmatic and functional features, based on the understanding of the existing lexicographic tradition and the analysis of empirical material.*

*The **material** of the research is the data of traditional explanatory dictionaries and the Active dictionary of the Russian language, as well as examples of contextual use of vse-taki, extracted from the RNC. Methods and techniques of definitional, structural-semantic, contextual and corpus analysis are used.*

*The **results** of the research showed that vse-taki should be qualified as a particle which is used (a) as a marker of the opposition of the existing state of affairs to a hypothetical, but more standard one; (b) as a marker of the reason for the implementation of one of the two alterna-*

tives; (c) as a marker of the speaker's emotional reaction to the coincidence of fragments of the mental and real world.

*The field of **practical implications** of the results is theoretical semantics and discourse analysis (including in social research). The results can be used in semantics, pragmatics, discourse theory university courses.*

Keywords: *semantics; particle semantics; discourse marker; cognitive structure*

Предварительные замечания

Объектом данной работы являются нарративы, в которых представлен некоторый внутренний конфликт (или, по крайней мере, рассогласованность) представлений говорящего о ситуации. Проблемы, связанные с интерпретацией таких нарративов, все чаще становятся объектом исследования не только в лингвистической науке (см. [Дроздова 2011, Демьянков 2011, Ирисханова 2014 и др.], но и в смежных с языковедческой наукой областях [Аронсон 1984, Фестингер 1984, 1999, Рикер 1995 и др.]. Так, Д. Кэмерон, характеризуя специфику работы с разговорным дискурсом в социальных исследованиях, особенно отмечает необходимость иметь в виду те «противоречия», которые встречаются в рассматриваемых текстах: «It is not uncommon for informants in the course of an interview or a group discussion to give more than one account of the same thing, and sometimes these accounts may appear to **contradict one another** (выделено нами. – *М.Л., М.Т.*). Even in a single continuous sequence of talk [23, p. 156].

Такие «противоречия» широко представлены в материалах, полученных в ходе реализации проекта «Устная история Иркутска и технологии oral history в междисциплинарной перспективе», выполняемого на кафедре русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета. Проект ориентирован на многоаспектный анализ текстов и аудиозаписей неподготовленных полуструктурированных интервью, в ходе которых информанты отвечают на вопросы интервьюера о собственном прошлом, истории своей семьи, города и страны. Значительное количество имеющихся

нарративов содержит в своей структуре фрагменты, отражающие внутренний конфликт (или, по крайней мере, рассогласованность) представлений говорящего о некотором фрагменте реального мира, который находится в центре его внимания в определенный момент речи. Приведем один выразительный пример: *Это были трудные годы – разгар войны. Нехватка одежды, книг, бумаги. Детям, отцы которых были на фронте, выдавалась помощь, горячие обеды. Мы ничего не получали, так как были детьми врага народа. Ну вот школьные годы, конечно, незабываемы... Счастливая, хотя и тяжёлая, невозвращающаяся пора детства закончилась.*

Как видно, «генерируемый дискурс настолько захватывает говорящего, что он оказывается неспособен отразить противоречие, возникающее между порождаемыми им смыслами и субъективными оценками (выделены содержательно контрастирующие фрагменты)» [20, с. 45].

Д. Кэмерон справедливо замечает: «If one takes the position, traditional in many kinds of research, that interviewing and other qualitative methods are techniques for getting at individual subjects' 'true' experiences, attitudes and beliefs, then this is a puzzle or a problem. Which of the accounts is the 'true' one, if any? What is causing an informant to 'misrepresent' matters in some or all of what s/he says? Is s/he confused or uncertain about the issue under discussion?» [23, p. 156].

В свете сказанного актуальной исследовательской задачей является выявление языковых и дискурсивных маркеров, объективирующих подобные «конфликты представлений», проясняющих ментальное и эмоциональное состояние говорящего в процессе порождения мемуарного дискурса. Один из таких маркеров – лексическая единица *все-таки*, ср.:

Папа у меня был репрессирован, и я находилась в детском доме. Воспитывалась в детском доме, который находился в предместье Марата. Ну тяжёлое детство было довольно-таки в том плане, что к нам относились очень плохо. Мы были детьми врагов народа. Ну, отсюда все и остальное. <...> Так. О своем детстве в итоге, о детстве можно сказать очень только ... детство про-

шло у нас **ВСЕ-ТАКИ** хорошее, счастливое, как мы его тогда называли. **Очень интересное, радостное**, потому что каждое лето отдыхали в пионерском лагере.

Ну мы тогда совсем не понимали, что такое плен, потому что **все-таки** город-то наш не воевал, и мы не видели такую войну.

Несмотря на голод, мы **все-таки** нет-нет выбирались в кино.

Не вызывает сомнений, что в этих примерах *все-таки* маркирует некоторые противоречия, однако без специального анализа остается неясным, какие именно содержательные элементы высказывания противопоставляются и насколько эксплицитно эти элементы представлены в контексте; какое значение можно приписать *все-таки* в каждом конкретном случае; какова частеречная принадлежность этой единицы.

Вышеизложенным определяется **цель** настоящей работы: на основании осмысления имеющейся лексикографической традиции и анализа эмпирического материала уточнить представления о статусе данной единицы, ее семантических, прагматических и функциональных особенностях.

Материал исследования – данные традиционных толковых словарей и Активного словаря русского языка под ред. Ю.Д. Апресяна, а также примеры контекстного употребления *все-таки*, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Исследование осуществлено с использованием **методов** и приемов дефиниционного, *структурно-семантического, контекстуального и корпусного анализа*.

***Все-таки* в зеркале традиционной лексикографии: союз и / или частица?**

Традиционные толковые словари русского языка неоднозначно определяют частеречный статус единицы *все-таки*. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова (далее – ТСУ) квалифицирует ее как противительный союз, а Малый академический словарь (далее – МАС), Новый словарь русского языка (далее – НСРЯ), Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (далее – СОШ) – как союз и как частицу.

При этом оба омонима описываются в одной словарной статье, что не согласуется со сложившейся лексикографической традицией, согласно которой омонимы размещаются в словарях как самостоятельные вокабулы, см., например, *печь* (глагол) и *печь* (существительное); *тепло* (существительное) и *тепло* (наречие); *же* (союз) и *же* (частица).

Общеизвестно, что союз и частица существенно отличаются по значению. Русская грамматика (1980; далее – РГ) определяет *союз* как служебную часть речи, «при помощи которой оформляется связь между частями сложного предложения, между отдельными предложениями в тексте, а также (это относится лишь к некоторым союзам) связь между словоформами в составе простого предложения» [16, с. 712]. Подобную характеристику дают и авторы учебников, см., например, «Современный русский язык» под ред. В.А. Белошапковой: «Союз – это такая часть речи, в которую входят слова, используемые для связи словоформ в простом предложении и частей сложного предложения либо только для связи частей сложного предложения» [7, с. 524].

Как известно, в зависимости от синтаксических свойств союзы делятся на две большие группы: сочинительные и подчинительные. По семантике сочинительные союзы бывают соединительные (*и, да=и*), противительные (*но, однако, а, да=но*), разделительные (*или...или*), градационные (*не только...но и*), пояснительные (*а именно*); подчинительные союзы, в свою очередь, могут иметь значение времени (*когда, пока, едва, лишь, только, после того как* и др.), условия (*если, раз, ежели* и др.), причины (*потому что, так как, ибо* и др.), уступки (*хотя, несмотря на то, что* и др.), цели (*чтобы, затем чтобы* и др.), следствия (*так что*), сравнения (*как, словно, точно* и др.).

Авторы словарей, классифицирующие слово *все-таки* как союз, относят его к группе противительных и толкуют его значение через синонимический ряд, см., например, МАС: противительный союз ‘тем не менее, однако, несмотря на’. Показательно, что в этом ряду только *однако* является частеречным эквивалентом *все-таки*, см.,

например, НСРЯ: *однако* «союз, то же что *но*»; *несмотря на* «предлог с винительным падежом»; *тем не менее* «частица».

Практически все лексикографы также указывают на то, что *все-таки* используется в сочетании с сочинительными союзами, см., например, МАС: обычно в сочетании с союзами *а, и, но*.

Заметим, что эти союзы принадлежат разным семантическим группам: *а* и *но* – противительные, *и* – сочинительный. Учитывая такое разделение, в ходе дальнейшего анализа разобьем представленные в словарных статьях контексты на две группы и попытаемся определить семантический вклад *все-таки* отдельно для каждой группы, применив тест на элиминацию (исключив *все-таки*).

1.1. Обратимся к первой группе примеров контекстных употреблений *все-таки* в сочетании с сочинительным союзом *и*.

(1) *Минуты три все было уже готово, и все-таки медлили начинать* (Л. Толстой).

(2) *Он хитрец, и все-таки он мне нравится* (И. Тургенев).

Исключение *все-таки* из контекстов (1) и (2) затемняет смысловую связь между частями сложного предложения, ср. (1') *Минуты три все было уже готово, и медлили начинать*; (2') *Он хитрец, и он мне нравится*. Противительные отношения в обоих случаях утрачиваются; предложение (1') становится не вполне осмысленным и требует для своего понимания сильного прагматического контекста; предложение (2') начинает выражать скорее причинно-следственные отношения, нежели противительные: *Он хитрец, и (поэтому) он мне нравится*.

Анализ контекстов, извлеченных из НК, с применением теста на элиминацию *все-таки* также демонстрирует изменение типа отношений, ср., например, *Он видел, что ей очень трудно, и все-таки она договорит до конца* (Ю. Трифонов) ® *Он видел, что ей очень трудно, и она договорит до конца*; *Ноги мои чуть-чуть дрожат, плечи ноют, и все-таки я ощущаю во всём теле необыкновенную лёгкость* (Ф. Искандер) ® *Ноги мои чуть-чуть дрожат, плечи ноют, и я ощущаю во всём теле необыкновенную лёгкость*.

Отметим, что устранение первой части сочетания *и все-таки* тоже оказывает существенное влияние на структуру и семантику

предложения, делая его неграмматичным или, по крайней мере, странным, ср.: *Он хитрец, **все-таки** он мне нравится; Он видел, что ей очень трудно, **все-таки** она договорит до конца.*

Таким образом, тест на элиминацию обоих элементов доказывает нерасчленимость сочетания *и все-таки*; поэтому обоснованным представляется решение СОШ, авторы которого сочетания *все-таки* с сочинительными союзами признают коллокацией, функционирующей как специфическое союзное средство, и помещают её за ромбом (°).

1.2. Обратимся теперь ко второй группе примеров, в которых *все-таки* сочетается с противительными союзами *а* и *но*. Для иллюстрации союзного значения *все-таки* авторы словарей приводят следующие примеры:

(3) *Малый был неказистый – что и говорить! – **а все-таки** он мне понравился* (И. Тургенев).

(4) *Радио плохо работало, **но все-таки** в политотделе поймали обрывки сводки* (К. Симонов).

Тест на элиминацию в контекстах (3) и (4) показал, что исключение *все-таки* из контекста не приводит к нарушению связи между пропозициями и потере противительного значения, так как союзы *а* и *но* самостоятельно реализуют оба свойства, ср.: (3') *Малый был неказистый – что и говорить! – **а** он мне нравился*; (4') *Радио плохо работало, **но** в политотделе поймали обрывки сводки.*

Обращение к примерам из Национального корпуса русского языка подтверждает сформулированный тезис, ср., например, *Зал возится, побрякивает, пошумливает вполголоса, **но всё-таки** слушает, всякое чудачество невольно вызывает интерес* (В. Распутин) ® *Зал возится, побрякивает, пошумливает вполголоса, **но** слушает, всякое чудачество невольно вызывает интерес; Обычно он суров, **а всё-таки** не любит, чтобы детей били* (Ф. Искандер) ® *Обычно он суров, **а** не любит, чтобы детей били.*

Как видно, с выражением значения противопоставления и с указанием на связь предикативных единиц в составе сложного предложения «справляются» противительные союзы *но / а*; следовательно,

интерпретация элемента *все-таки* как союза не может не вызывать сомнений. Представляется, что здесь *все-таки* функционирует в роли усилительной частицы, подчеркивающей противопоставленность двух видов информации, введенных двумя частями сложного предложения.

Имеющийся вывод подтверждают данные РГ, где отмечается, что *все-таки* при сочинительных союзах выполняет функцию специального конкретизатора, т.е. слова, которое подключается к союзу и уточняет его значение [16, с. 713], при этом не образуется составной союз (к которым относятся, например, *а именно*, *а также* и т.д.).

1.3. В кругу контекстов, с помощью которых словари иллюстрируют «союзное» значение *все-таки*, представлен еще один пример: *Что вы ни говорите, все-таки я не поверю*. РГ трактует такие предложения как сложноподчиненные с обобщенно-уступительной семантикой [17, с. 593].

Привлечение дополнительных примеров из НК с тем же значением, но другими средствами связи (*что ни*, *как ни*, *сколько ни*), и элиминация *все-таки* из контекстов показывает, что, как и в случаях с противительными союзами, структурная схема предложения сама «отвечает» за выражение соответствующего смысла, см.: *Что вы ни говорите, все-таки я не поверю* ® *Что вы ни говорите, я не поверю*; *Как ни силен был ночью припадок подагры, как ни скрипели потом нервы, а Кистунов всё-таки отправился утром на службу и своевременно начал приёмку просителей и клиентов банка* (А. Чехов) ® *Как ни силен был ночью припадок подагры <...>, а Кистунов отправился утром на службу <...>*; *Сколько ни прошло столетий непрерывной культуры, новый человек все-таки стоит на самом рубеже хаоса, все-таки не выходит из кризиса* (К. Победоносцев) ® *Сколько ни прошло столетий непрерывной культуры, новый человек стоит на самом рубеже хаоса <...>*; *А чем ни прикрывайте грязь, она все-таки останется грязью* (Ф. Достоевский) ® *А чем ни прикрывайте грязь, она останется грязью; Долго отыскивали без всякого прока несчастного карабинера и сколько ни жалели о нем и как ни рвались вернуть пленного, а все-таки были*

принуждены уйти, покинув их на произвол судьбы (Ф. Торнау) ® <...> *сколько ни жалели о нем и как ни рвались вернуть пленного, а были принуждены уйти*<...>.

Завершая разговор о лексикографической трактовке единицы *все-таки* как союза и оценивая семантический вклад этой единицы в значение сочетаний типа *и (а / но) все-таки*, можно констатировать следующее.

Сочетание *и все-таки* обнаруживает тенденцию превратиться в составное союзное средство, функция которого, на наш взгляд, состоит в том, чтобы присоединить пропозицию, содержащую информацию, противопоставляемую информации, выраженной в другой пропозиции.

В сочетаниях *но / а все-таки* значение противопоставления выражается «основными» союзными средствами, а *все-таки* «дублирует» эту семантику. В результате одно и то же значение оказывается выраженным дважды, что приводит к усилительному эффекту.

Заметим, что избыточность является свойством естественных языков, позволяющим сохранить информацию и предотвратить энтропию (ср. факты грамматической избыточности во фразах типа *Я люблю мороженое*, где значение 1 лица выражено местоимением и личной формой глагола; в сочетаниях типа *разноцветные карандаши*, в которых оба компонента выражают значение множественного числа; см. подробнее [Ахманова 2007; Лайонз 2004; Мартине 1963; Лотман 1994 и др.]).

Аналогичный эффект возникает благодаря использованию *все-таки* и в сложноподчиненных предложениях с обобщенно-уступительной семантикой.

Таким образом, мы вынуждены не согласиться с тем, что *все-таки* можно квалифицировать как союз (см. выше определение союза), и предлагаем признать это слово частицей.

Попытаемся вписать эту частицу в имеющиеся классификации.

Обратимся к РГ, которая, определяя частицы как класс неизменяемых незначительных слов, выделяет в составе этой части речи следующие группы: (1) формообразовательные частицы, которые

участвуют в образовании морфологических форм слов и форм предложения с разными значениями ирреальности (побудительности, сослагательности, условности, желательности); (2) частицы, которые участвуют в выражении цели сообщения (вопросительность), а также в выражении утверждения или отрицания; (3) частицы, которые характеризуют действие или состояние по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности его осуществления.

Совершенно очевидно, что *все-таки* невозможно отнести ни к одной из названных групп. Рассматриваемая единица наиболее близка к четвертой группе выделенных в РГ частиц, а именно к тем, которые выражают самые разнообразные субъективно-модальные характеристики и оценки сообщения или отдельных его частей, в том числе – значение подчеркивания / акцентирования (ср.: *Вам-то вот смешно, а нам слезы*) и противопоставленности (ср.: *Вот он и честный, да что в нем!*).

***Все-таки* в свете представлений Московской семантической школы: значение – употребление – функции**

Только как частицу рассматривает *все-таки* Активный словарь русского языка под ред. Ю.Д. Апресяна (далее – АС), который в силу своей специфики заслуживает отдельного рассмотрения.

АС существенно отличается от традиционных словарей и построен на основаниях, разработанных Московской семантической школой.

Ядром словарной статьи в АС является вокабула, включающая в себя следующие структурные компоненты: вход – имя вокабулы и те типы фонетической, грамматической и стилистической информации, которые относятся ко всем или многим ее лексемам (под лексемой понимается «слово, рассматриваемое в одном из имеющихся у него значений, но во всей совокупности присущих ему в этом значении свойств» [3, с. 57]); синопсис, или краткий путеводитель по всей словарной статье; описание каждой лексем; фразеологию. Лексема толкуется только в составе *сентенциальной формы*, то есть «в виде словосочетания, предложения или даже нескольких пред-

ложений, в которых семантические актанты толкуемой лексемы представлены переменными вида A_1, A_2, \dots, A_n » [3, с. 92].

Авторы АС выделяют у частицы *все-таки* три основных значения.

Все-таки 1 $A1$; *все-таки A2* ‘Имеет место ситуация $A1$; имеет место ситуация $A2$; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа $A1$, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не- $A2$ ’, см.: *Его не звали, но он все-таки пришел; Лил дождь, но мы все-таки пошли гулять; Детский центр все-таки закрыли, несмотря на многочисленные протесты.*

Все-таки 2 $A1$; $A2$; *все-таки A3* ‘Имеет место ситуация $A1$; имеет место ситуация $A2$; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа $A1$, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не- $A2$; говорящий считает, что в данном случае имеет место ситуация $A2$, потому что имеет место благоприятствующая этому ситуация $A3$ ’, см., например: *Хотя экзамен сложный, я уверен, что она сдаст на пятерку – все-таки круглая отличница; Он должен понять, о чем речь идет – все-таки доктор наук.*

Все-таки 3 *Все-таки A1* ‘Говорящий сообщает, что имеет место ситуация $A1$, как бы возвращаясь к разговору об $A1$ или возражая кому-то, кто утверждал, что не- $A1$ ’, см., например: *Какие все-таки в Москве высокие цены; Она все-таки абсолютно непредсказуема; Это все-таки незаменимое средство; Все-таки десять часов в самолете – это очень долго.*

Рассмотрим решение составителей словаря более детально с привлечением примеров из НКРЯ.

Как следует из приведенных дефиниций, все лексемы имеют общий семантический компонент, связанный с противопоставлением двух ситуаций (A vs не- A), см. формулировки выше.

Различия между лексемами связаны с набором и характером выраженности пропозиций, определяемых структурой того предложения, в которое входит та или иная лексема.

Эти предложения могут описывать

- одну ситуацию (*все-таки A1* – лексема *все-таки 3*);
- две ситуации ($A1$; *все-таки A2* – лексема *все-таки 1*);
- три ситуации ($A1$; $A2$; *все-таки A3* – лексема *все-таки 2*).

При этом в каждом случае имеется в виду еще одна ситуация, – ситуация *не-А*, имплицитно противопоставляемая одной из тех, которые представлены эксплицитно.

Лексема **все-таки 1** воплощает это противопоставление в наиболее простом виде. Она, как отмечено выше, используется в предложениях, содержащих две пропозиции; при этом реальная ситуация (*A2*) соотносится с гипотетической (*не-А2*), которая была бы более обычной, более естественной при наличии ситуации (*A1*).

Его не звали (A1), но он все-таки пришел (A2): естественно, что если не зовут, то в гости не ходят.

Лил дождь (A1), но мы все-таки пошли гулять (A2): естественно, что во время дождя гулять не ходят.

Заранее знает ответ (A1) и все-таки спрашивает (A2): зная ответ заранее, естественно не задавать вопросов.

Детский центр все-таки закрыли (A2), несмотря на многочисленные протесты (A1): при многочисленных протестах естественно детский центр не закрывать.

Схематически такое противопоставление можно представить в следующем виде:

<i>(A1)</i>	все-таки (A2) vs имплицитное (<i>не-А2</i>)
<i>Лил дождь (A1)</i>	<i>мы все-таки пошли гулять (A2)</i> vs <i>не пошли гулять (не-А2)</i>
≈ ситуация (<i>A1</i>) задает возможность альтернативы (<i>A2</i>) – (<i>не-А2</i>); обычно, естественно, стандартно при наличии (<i>A1</i>) бывает (<i>не-А2</i>); реализуется (<i>A2</i>)	

Подчеркнем, что **все-таки** находится в той части предложения, которая представляет ситуацию (*A2*), и маркирует идею противопоставления (*A2*) – (*не-А2*).

Лексема **все-таки 2** входит в состав предложений, содержащих три (и более) пропозиции: *Хотя экзамен сложный (A1), она сдала на пятерку (A2) – все-таки круглая отличница (A3)*. Интерпретация таких предложений также требует соотнесения ситуации (*A2*)

с гипотетической (*не-А2*): ‘сдала экзамен на пятерку’ – ‘не сдала / могла бы не сдать экзамен на пятерку’. Аналогично: *Он должен понять (А2), о чем речь идет (А1) – все-таки доктор наук (А3)*, где (*не-А2*) ‘он не понял / он мог не понять’. При этом ситуация (*А3*) совершенно точно охарактеризована в АС как благоприятствующая тому, чтобы при наличии альтернативы (*А2*) – (*не-А2*) была реализована ситуация (*А2*): *Хотя экзамен сложный, она (потому) сдала его на пятерку, что является круглой отличницей; Он должен понять, о чем идет речь, (потому что) он доктор наук.*

Характер ситуации (*А3*) можно продемонстрировать также, поставив соответствующую часть предложения под отрицание, ср.: *Если бы она не была круглой отличницей, она бы не сдала на пятерку; Если бы он не был доктором наук, он бы не понял.*

Приведем еще несколько контекстов, включающих *все-таки* 2, из НКРЯ.

(5) *Привязав лошадь у забора, он вошел ко мне; я попотчевал его чаем (А2), потому что хотя разбойник он (А1), а все-таки был моим кунаком (А3)* (М. Ю. Лермонтов): ‘попотчевал’ (*А2*) vs ‘не попотчевал / мог бы не попотчевать’ (*не-А2*).

(6) *Тогда уже было видно, что это конченый человек (А1), но я сдержался тогда (А2). Все-таки мужчина. Старый профессор-математик, на пенсии, Василий Васильевич Кашиперов (А3)* (И. Грекова): ‘сдержался’ vs ‘не сдержался / мог не сдержаться’.

Как видно, в (5) и (6) представлены те же отношения, что и в примерах из словаря: ситуация (*А2*) имплицитно противопоставляется гипотетической (*не-А2*); реализации (*А2*) благоприятствует ситуация (*А3*): ‘попотчевал, потому что он был моим кунаком’; ‘сдержался, потому что он старый профессор’. Или иначе: *Если бы он не был моим кунаком, я бы не попотчевал его чаем; Если бы он не был мужчиной, старым профессором-математиком, на пенсии, я бы не сдержался.*

Схематически эти отношения можно представить в следующем виде:

(A1)	(A2) vs имплицитное (не-A2)	все-таки (A3) (благоприятствующая ситуация)
Экзамен сложный	она сдала его на пятерку (A2) vs не сдала / могла не сдать (не-A2)	все-таки отличница
≈ ситуация (A1) задает возможность альтернативы (A2) – (не-A2); обычно, естественно, стандартно, более вероятно при наличии (A1) бывает (не-A2) реализуется (A2), поскольку есть благоприятствующая ситуация (A3)		

Важно, однако, подчеркнуть, что *все-таки 2*, в отличие от *все-таки 1* находится не в той части предложения, которая, описывая ситуацию (A2), противопоставляет ее гипотетической ситуации (не-A2), а в третьей части. Поэтому *все-таки* маркирует не противопоставление как таковое, а причину, обусловившую выбор в пользу (A2) при наличии альтернативы (не-A2).

Как отмечает словарь, первая ситуация (A1) достаточно часто не упоминается, ср.: *Давайте встретимся завтра (A2) – все-таки сегодня уже очень поздно (A3)*.

Несмотря на то что формально такие предложения походят на те, в которых используется *все-таки 1*, они однозначно репрезентируют вторую лексему рассматриваемой единицы. Во-первых, ситуация (A1) легко восстанавливается благодаря контексту. В рассматриваемом случае полный вариант может быть, например, таким: *Хотя мы договаривались встретиться сегодня (A1), давайте встретимся завтра (A2) – все-таки сегодня уже очень поздно (A3)*. Во-вторых, *все-таки* находится в третьей части, обосновывающей причину выбора ситуации (A2 *встретимся завтра*) при наличии альтернативы (не-A2 *встретимся не завтра, сегодня*).

Лексема *все-таки 3* используется в составе предложений, содержащих, как правило, единственную пропозицию:

(7) Какие **все-таки** в Москве высокие цены.

(8) Она **все-таки** абсолютно непредсказуема.

Словарь предполагает две возможности для использования лексем *все-таки 3*.

Во-первых, согласно дефиниции, она употребляется тогда, когда «говорящий возражает кому-то, кто утверждал, что не-А1». Это решение представляется небесспорным.

Если высказывания (7) и (8), содержащие утверждение (А1), являются возражением тому, кто утверждал обратное (*не-А1*), должен иметь место реальный или воображаемый диалог типа:

– *В Москве невысокие цены. – Какие все-таки в Москве высокие цены.*

– *Она очень предсказуемый человек. – Она все-таки абсолютно непредсказуема.*

Вызывает сомнение, что диалог с такой связью реплик может появиться в условиях естественного коммуникативного взаимодействия. Трудно, кроме того, допустить, что в (7) постулируется наличие имплицитной ситуации ‘в Москве невысокие цены’.

Во-вторых, как указывает словарь, *все-таки* 3 употребляется тогда, когда «говорящий возвращается к разговору об А1». Думается, как раз этот режим употребления наиболее характерен для данной лексемы, причем совсем необязательно, чтобы говорящий действительно «возвращался к разговору об А1», взаимодействуя с реальным собеседником.

Рассмотрим некоторые примеры более подробно.

Как кажется, высказывания типа (7) и (8) естественным образом функционируют в тех ситуациях, когда новый опыт взаимодействия с некоторым фрагментом реального мира еще и еще раз подтверждает тот факт, который уже представлен в картине мира субъекта речи. Условно говоря: *X* неоднократно сталкивался с тем, что в *Москве высокие цены*, с тем, что некая *она* ведет себя *абсолютно непредсказуемо*. В определенный момент времени этот *X* получает очередное подтверждение имеющимся знаниям, и тогда он использует *все-таки*, чтобы подчеркнуть, что эти знания (ожидания, представления) подкрепляются его новым опытом, и чтобы выразить свою эмоцию по этому поводу.

Подобным образом, на наш взгляд, можно охарактеризовать семантическую организацию предложений (9), (10), (11):

(9) *Это все-таки незаменимое средство.*

(10) *Все-таки десять часов в самолете – это очень долго.*

Особенно наглядно демонстрирует своеобразное ментальное взаимодействие говорящего с фрагментами его собственной картины мира пример (11): говорящий имеет стереотипное представление о *стопроцентном американце*, и знакомство с очередным американцем дает ему основание построить высказывание, в котором *все-таки* служит для выражения эмфазы:

(11) *Все-таки что за прелесть этот типичный стопроцентный американец!*

Понятно, что стереотип может формироваться как на основе собственного, так и на основе чужого опыта, – эксплуатация стереотипа осуществляется по одним и тем же правилам, ср. (12) *Все-таки хорошо, что я не замужем!* и (13) *Все-таки хорошо, что я замужем!* В обоих случаях в картине мира говорящего есть набор некоторых представлений о том, что значит «быть (не)замужем», и тот новый опыт, который появляется у говорящего, вновь закрепляет этот стереотип и дает ему возможность акцентировать внимание на своей «правоте».

Эмфатический характер такого *все-таки* объясняет причину частого использования этой лексемы в сочетании с частицей *нет*, которая в подобных контекстах выступает в роли усилительной – ‘употребляется с целью привлечь внимание собеседника к высказываемой мысли’ [19, с. 230], см., например, *Нет, все-таки как здорово, что мы повидались!* *Нет, все-таки политика губит искусство* (М. Баконина); *Нет, все-таки это была хорошая книга!* (Ю. Рытхэу); *Нет, все-таки пусть бы не выходила замуж* (И. Рукавишников).

Результаты анализа материалов Активного словаря и контекстов, извлеченных из НКРЯ, можно представить следующим образом.

Все-таки 1

Лил дождь (A1), мы все-таки пошли гулять (A2)

- ситуация *A1* задает в качестве стандартного (естественного, нормального, более вероятного) положения вещей ситуацию *не-A2* [пресуппозиция];

- утверждается, что имеет место ситуация $A2$;
- *все-таки* маркирует противопоставление ($A2$) – ($не-A2$).

Все-таки 2

Экзамен был трудный (A1), но она сдала на пятерку (A2), все-таки круглая отличница (A3)

- ситуация $A1$ задает в качестве стандартного (естественного, нормального, более вероятного) положения вещей ситуацию $не-A2$ [пресуппозиция];
- утверждается, что имеет место ситуация $A2$;
- утверждается, что наличие ситуации $A2$ обусловлено наличием благоприятствующей ситуации ($A3$);
- *все-таки* маркирует причину, обусловившую выбор ($A2$) при наличии альтернативы ($не-A2$).

Все-таки 3

Какие все-таки в Москве высокие цены (A1)!

- говорящий имеет представление о характере ситуаций типа ($A1$) [пресуппозиция];
- в реальном мире имеет место ситуация $A1$;
- реальная ситуация подтверждает представления говорящего;
- *все-таки* маркирует эмоциональную реакцию говорящего на совпадение фрагментов ментального и реального мира.

Замечание

В ряде случаев высказывания, содержащие единственную пропозицию, требуют особого рассмотрения. Это высказывания типа (14) *Мне все-таки удалось успеть до перерыва*, которые АС приводит в качестве иллюстрации *все-таки 1*, отмечая, что ситуация ($A1$) может не упоминаться. Формально такие предложения подобны тем, в составе которых используется *все-таки 3*, ср., например, (15) *Все-таки политика губит искусство!* Представляется тем не менее, что с учетом сформулированных выше критериев их можно разграничить.

Как кажется, высказывания типа (14) недвусмысленно отсылают к некоторой ситуации ($A1$), к некоторому набору связанных с ней

обстоятельств, которые могли помешать реализации эксплицитно обозначенной ситуации (A_2) и которые делают более вероятной обратную ситуацию ($не-A_2$).

Фраза (14) *Мне все-таки удалось успеть до перерыва* предполагает, что были какие-то обстоятельства, которые препятствовали тому, чтобы названное положение вещей имело место, например: *В городе невероятные пробки [пресуппозиция], но мне все-таки удалось успеть до перерыва* (гипотетическая ситуация – *не удалось успеть / мог бы не успеть*).

Фраза (15) *Все-таки политика губит искусство!* вряд ли может быть осмыслена в том же ключе: здесь нет однозначно восстанавливаемой отсылки к некоторым препятствующим обстоятельствам; описываемая ситуация не вступает в контрадикторные отношения с гипотетической *политика не губит искусство*; кроме того, наличие такой пресуппозиции здесь крайне сомнительно.

Именно поэтому следует согласиться, что в (14) употреблена лексема *все-таки* 2, функционирующая как маркер противопоставления реальной и гипотетической ситуаций (A_2) – ($не-A_2$), а в (15) – *все-таки* 3, маркирующая эмоциональную реакцию говорящего на то, что в реальном мире он обнаружил очередное подтверждение некоторому факту, зафиксированному в его картине мира.

Заключение

Осмысление тех способов репрезентации лексической единицы *все-таки*, которые представлены в традиционных и современных толковых словарях, а также анализ примеров контекстного употребления этой единицы, извлеченных из Национального корпуса русского языка, позволяет заключить, что *все-таки* следует квалифицировать как частицу, которая используется (а) как маркер противопоставления имеющегося положения вещей гипотетическому, но более стандартному, типичному, «естественному»; (б) как маркер причины, обусловившей реализацию одной из двух альтернатив; (в) как маркер эмоциональной реакции говорящего на совпадение фрагментов ментального и реального мира.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды: Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
3. Апресян Ю.Д. Проспект Активного словаря русского языка / Отв. редактор акад. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. 784 с.
4. Активный словарь русского языка / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева и др.; Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 2. 736 с.
5. Аронсон Э. Теория диссонанса: прогресс и проблемы // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство МГУ, 1984. С. 111-126.
6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007, 571 с.
7. Белошапкова В.А. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др. М.: Высш. шк., 1989. 800 с.
8. Демьянков В.З. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. Взаимодействие когнитивных языковых структур. М.-Тамбов: Изд-во ТГУ, 2011. Вып. IX. С. 33-40.
9. Дроздова Т.В. Когнитивный диссонанс как лингвистическая проблема: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011. 24 с.
10. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 866 с.
11. Ирисханова К.М. Когнитивный диссонанс в англоязычном поэтическом дискурсе // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 17 (703). С. 7-14.
12. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс. С вопросами и упражнениями. М.: Едиториал УРСС, 2004, 320 с.
13. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1963. Вып. 3. С. 366-566.

14. Национальный корпус русского языка: 2003-2020. URL: <http://www.ruscorgpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 15.10.2021)
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1996. 907 с.
16. Русская грамматика: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Т1 / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.:Наука, 1980. 783 с.
17. Русская грамматика: Синтаксис. Т. 2 / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 709 с.
18. Рикер П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. М.: Academia-Центр, 1995. 441 с.
19. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1 А-И / под. ред. А.П. Евгеньевой. М.: Гос. изд. ин. и нац. словарей, 1957. 964 с.
20. Ташлыкова М.Б. Языковые и дискурсивные маркеры конструирования образа прошлого // Советское как дискурсивный феномен: способы концептуализации прошлого: монография / под общ. ред. О.Л. Михалёвой. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 25-49.
21. Толковый словарь современного русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Аделант, 2013. 800 с.
22. Фестингер Л. Введение в теорию когнитивного диссонанса // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство МГУ, 1984. С. 97-110.
23. Cameron D. Working with spoken discourse. Sage Publ., 2001, 206 p.
24. Tompkins P., Lawley J. Cognitive Dissonance and Creative Tension – the same or different? The Developing Group. 2009. URL: <https://cleanlanguage.co.uk/articles/articles/262/1/Cognitive-Dissonance-and-Creative-Tension/Page1.html> (дата обращения: 05.09.2021)
25. Bach K. Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge. MA. MIT Press. 1979, 217 p.
26. Heider F. Attitudes and Cognitive Organizations. Journal of Psychology. 1946. Vol. 21, pp. 107-112.
27. Heider F. Social perception and phenomenal causality // Psychological Review, no. 51(6). 1944, pp. 358-374.

References

1. Apresyan Yu.D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka: Popytka sistemnogo opisaniya* [The image of a person according to language data: An attempt at a systematic description]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics], 1995, no. 1, pp. 37-67.
2. Apresyan Yu.D. *Izbrannye trudy: T. 1. Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected works: Vol. 1. Lexical semantics: Synonymous means of language]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», «Vostochnaya literatura» RAN Publ., 1995, 472 p.
3. Apresyan Yu.D. *Prospekt Aktivnogo slovarya russkogo yazyka* [Prospect of the Active Dictionary of the Russian Language]. Moscow: YAzyki slavyanskih kul'tur Publ., 2010, 784 p.
4. *Aktivnyj slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2014, vol. 2, 736 p.
5. Aronson E. *Teoriya dissonansa: progress i problemy* [The theory of dissonance: progress and problems]. *Sovremennaya zaru-bezhnaya social'naya psihologiya* [Modern foreign social psychology]. Moscow: Moscow State University Publ., 1984, pp. 111-126.
6. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: KomKniga Publ., 2007, 571 p.
7. Beloshapkova V.A. *Sovremennyj russkij yazyk* [Modern Russian language]. Moscow: Vysshaya shk. Publ., 1989, 800 p.
8. Demyankov V.Z. *Kognitivnyj dissonans: kogniciya yazykovaya i vneyazykovaya* [Cognitive dissonance: linguistic and extralanguage cognition]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vzaimodejstvie kognitivnyh yazykovykh struktur* [Cognitive studies of language. Interaction of cognitive language structures]. Moscow-Tambov: TSU Publ., 2011, no. IX, pp. 33-40.
9. Drozdova T.V. *Kognitivnyj dissonans kak lingvisticheskaya problema* [Cognitive dissonance as a linguistic problem]. Abstract of PhD dissertation. Belgorod, 2011, 24 p.
10. Efremova T.F. *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 2000, 866 p.

11. Iriskhanova K.M. Kognitivnyj dissonans v angloyazychnom poeticheskom diskurse [Cognitive dissonance in the English-language poetic discourse]. *Vestnik MGLU* [MSLU Bulletin], 2014, no. 17(703), pp. 7-14.
12. Lions J. *Yazyk i lingvistika. Vvodnyj kurs. S voprosami i uprazhneniyami* [Language and Linguistics. Introductory course. With questions and exercises]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004, 320 p.
13. Martine A. *Osnovy obshchej lingvistiki* [Fundamentals of general linguistics]. *Novoe v lingvistike* [The new in linguistics]. Moscow: Progress Publ., 1963, no. 3, pp. 366-566.
14. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka: 2003-2020* [National corpus of the Russian language: 2003-2020]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed 15.10.2021)
15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Az Publ., 1996, 907 p.
16. *Russkaya grammatika: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Wordformation. Morphology]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1980, 783 p.
17. *Russkaya grammatika: Sintaksis* [Russian grammar: Syntax]. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1980, 709 p.
18. Ricoeur P. *Conflict of interpretations: essays on hermeneutics* [Conflict of interpretations: essays on hermeneutics]. Moscow: Academia-Center Publ., 1995, 441 p.
19. *Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t. T. I A-I* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 1 A-I]. Moscow: Gos. izd. in. i nac. Slovarnej Publ., 1957, 964 p.
20. Tashlykova M.B. *Yazykovye i diskursivnye markery konstruirovaniya obraza proshlogo* [Linguistic and discursive markers for constructing the image of the past]. *Sovetskoe kak diskursivnyj fenomen: sposoby konceptualizatsii proshlogo: monografiya* [The Soviet as a discursive phenomenon: ways of conceptualization of the past: monograph]. Irkutsk: ISU Publ., 2013, pp. 25-49.

21. *Tolkovyyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka pod red. D.N. Ushakova* [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow: Adelant Publ., 2013, 800 p.
22. Festinger L. Vvedenie v teoriyu kognitivnogo dissonansa [Introduction to the theory of cognitive dissonance]. *Sovremennaya zarubezhnaya social'naya psikhologiya* [Modern foreign social psychology]. Moscow: Moscow State University Publ., 1984, pp. 97-110.
23. Cameron D. Working with spoken discourse. Sage Publ., 2001, 206 p.
24. Tompkins P., Lawley J. Cognitive Dissonance and Creative Tension – the same or different? The Developing Group. 2009. URL: <https://cleanlanguage.co.uk/articles/articles/262/1/Cognitive-Dissonance-and-Creative-Tension/Page1.html> (accessed 05.09.2021)
25. Bach K. Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge. MA. MIT Press, 1979, 217 p.
26. Heider F. Attitudes and Cognitive Organizations. *Journal of Psychology*, 1946, vol. 21, pp. 107-112.
27. Heider F. Social perception and phenomenal causality. *Psychological Review*, no. 51(6), 1944, pp. 358-374.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Марина Борисовна Ташлыкoва, директор Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, декан факультета филологии и журналистики, кандидат филологических наук, доцент

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»

ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, Иркутская область, 664003 Российская Федерация

taschlykoff@mail.ru

Лoшанина Мария Николаевна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»
ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, Иркутская область,
664003 Российская Федерация
masha_usole@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Marina B. Tashlykova, Director of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Dean of the Faculty of Philology and Journalism, Candidate of Philology, Associate Professor

Irkutsk State University

1, Karl Marx Str., Irkutsk, Irkutsk Region, 664003, Russian Federation

taschlykoff@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9293-633X

SPIN-code: 3570-0673

Maria N. Loshanina, Postgraduate Student, Department of Russian Language and General Linguistics, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication

1, Karl Marx Str., Irkutsk, Irkutsk Region, 664003, Russian Federation

masha_usole@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6288-6359

Поступила 02.12.2021

После рецензирования 26.12.2021

Принята 28.12.2021

Received 02.12.2021

Revised 26.12.2021

Accepted 28.12.2021